

Проникнуть за дискурс

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Малахов В. (2023). Политика различий. Культурный плюрализм и идентичность. М.: НЛО. — 288 с. ISBN 978-5-4448-2182-4

Леонид Бляхер

Доктор философских наук, профессор Высшей школы социальных и политических наук,
Тихоокеанский государственный университет
Адрес: ул. Тихоокеанская, 136, Хабаровск, 680053 Российская Федерация
E-mail: leonid743342@mail.ru

Константин Григоричев

Доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности,
Иркутский государственный университет
Адрес: ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, 664003 Российская Федерация
E-mail: grigorichev@yandex.ru

Сегодня огромный массив знаний, накопленный обществоведами последних десятилетий, в значительной мере перестал представлять собой актуальную ценность, что породило острую нужду в рефлексии над нашим пониманием Другого. Новое в общественном знании (прежде всего, новые инструменты понимания), как правило, возникает как новое прочтение прочитанного, рефлексия над рефлексией. Книга Владимира Малахова «Политика различий» представляет собой как раз попытку такой рефлексии, деконструирующей прежнее знание о реальности, дающей возможность ее переконструировать, ввести в ее новые смыслы.

Речь здесь идет о самом, пожалуй, очевидном *Другом* завершающейся эпохи — о миграции и ее восприятии в рамках западного политического дискурса, точнее, политического дискурса о культурных различиях. Но описание миграции здесь не самоцель. Как отмечает автор в одном из разделов, разговор о миграции в современных условиях есть разговор о современном обществе в целом (с. 88).

Книга сложная и по жанру, и по стилистике, поскольку включает в себя как разделы, ориентированные на достаточно широкие и интересные теоретические обобщения, рецензии на отдельные, хотя и значимые тексты других авторов, так и интервью по актуальным вопросам политической повестки дня, а также вполне академические тексты и газетные публикации. Первое ощущение, возникающее при ее прочтении, — ощущение рыхлости, когда части книги (их четыре) не следуют одна из другой, но «набегают» друг на друга, порой противоречат одна другой. Но при внимательном взглядывании в текст композиция и замысел книги начинают улавливаться. Первая часть — наиболее теоретичная и философичная — задает рамку обсуждаемых проблем, проблем соотношения (изменения) дискурса и того, что стоит за дискурсом (социальных и политических *отношений*). Остальные части предоставляют заинтересованному читателю картину дискурсивной реаль-

ности, охватывающую максимально возможное число точек зрения и политических позиций.

«Цель настоящего исследования, — пишет автор рецензируемой работы, — описать динамику публичного дискурса западных стран по поводу культурной гетерогенности, обусловленной миграционными процессами» (с. 9). И хотя в качестве цели вынесен дискурс западных стран, едва ли не половина текста книги посвящена России. Думается, это не случайно. Во-первых, несмотря на свойственное академической традиции стремление к нейтральности, наиболее остро воспринимаются вопросы, связанные так или иначе с экзистенцией, которую автору видно из окна. Во-вторых, несмотря на гигантские сдвиги в мировой расстановке сил, происходящие на наших глазах, именно Запад продолжает быть местом, где формируется общий взгляд на реальность, контекст осмысления. И, наконец, в-третьих, многие процессы, выделенные и описанные автором, ярче и нагляднее проявляют себя именно в России.

Владимир Малахов стремится осмыслить странный кульбит, произошедший за период от послевоенных десятилетий до наших дней в рамках политического дискурса о культурных различиях. За это время дискурс гомогенности, одухотворяющий нациестроительство в Европе, сменяется «эпохой мультикультурализма» и вновь возвращается на исходные позиции. С чем связана эта динамика? Что она дает нам для осмысления современных реалий? Какие глубинные процессы, протекающие в мире, она отражает? Насколько совпадает/различается дискурс современных элит о различии и дискурс мультикультурализма предшествующего периода? Кто выступает агентами этих дискурсов? Ответить на эти вопросы и предполагает книга «Политика различий».

Многочисленность вопросов и вызывает ощущение некоторой рыхлости композиции книги: она составлена из статей, описывающих разные исследовательские объекты. Их объединение происходит по принципу авантюрно-бытового романа — за счет главных героев, которые так или иначе всплывают в каждом из фрагментов (статей). Герои эти — мигранты и всевозможные Другие (культурные, этнические и социальные меньшинства), появившиеся в публичном пространстве, ставшие наиболее явным знаком новой реальности. «Героем» книги оказывается и дискурс о мигрантах, сложившийся в предшествующие десятилетия и стремительно меняющийся на наших глазах. Но это, так сказать, герои явные, видимые с первых страниц. Как и Большой бизнес, Большая бюрократия и интеллектуальный истеблишмент, которые создают этот дискурс, поддерживают его. Но есть герой неявный. Этого героя читателю нужно *найти* в тексте. Он упоминается, он угадывается. Это — современное общество, сложное, упорно не желающее видеть в себе то, что оно представляет, заслоняющееся дискурсивным рядом от необходимости взглянуть в себя.

Стоит отметить, что книга Владимира Малахова специфична и в отношении адресата, и в отношении авторской позиции («наблюдателя»). Он достаточно явно стремится выйти из «цеха», обозначает отличие своей точки наблюдения

и от традиционного марксизма (хотя во многом его текст отсылает к марксизму), и от институционализма, и от иных, популярных в недавнем прошлом способов описания мира, говорения о нем. Вместе с тем это и не модное в последние годы обращение «к улице», людям, не искушенным в интеллектуальных играх, не публицистика. Автор «Политики различий» апеллирует к говорящему классу, к властителям дискурса.

Автор упорно стремится *проникнуть за дискурс*, увидеть те силы, которые этот дискурс порождают, причины, которые заставляют его трансформироваться. Так, в формировании дискурса мультикультурализма (именно дискурса, а не новых оснований политической организации, которая, по мнению автора, так и не возникла) он видит тотальное недоверие к государству, возникшее после Второй мировой войны, действия Большой бюрократии и Большого бизнеса. Для последних притягательность мультикультурализма была связана с возможностью неограниченного ввоза иностранной рабочей силы, для бюрократии — с переструктурированием общества, изменением роли самих административных структур. Бенефициарами мультикультурализма оказываются и лидеры этнических групп, получающих уникальный шанс вхождения в местный политический слой. В той же, если не большей степени бенефициарами мультикультурализма выступают культурные меньшинства, присутствующие на территории изначально, но теперь получившие доступ в публичное пространство.

Как убедительно демонстрирует автор, мультикультурализм, хотя на уровне управления он почти не проявился, в отдельных регионах имел разный смысл, был связан с разными явлениями. Именно потому наиболее ярко он воплощается не в тех или иных новациях управления, но в дискурсе. Он не столько изменяет общество, сколько выступает новой формой говорения об обществе. В России же, где в силу особых обстоятельств ее истории, специфики территории и населения то, что на Западе называют мультикультурализмом (идеей, стремлением), было данностью. С этой данностью в разные периоды боролись (русификация в период поздней Российской империи) или поддерживали («национальное по форме и социалистическое по содержанию»). Но она была. Эта специфика и предопределяет особенность современного российского дискурса о миграции. Он во многом «западный», во всяком случае, именно отсюда заимствуются базовые концепты, однако их взаимосвязи, а порой и просто смысл несколько иной.

Поворот от мультикультурализма к традиционализму, по мнению автора, связан со случайным (или не вполне случайным) совпадением смены кейнсианских элит элитами неолиберальными, проповедующими удаление государства из экономики, сворачивание структур «*всеобщего благоденствия*». Последнее сказало на возрастании неравенства, снижении уровня жизни значительной части населения. Формой критики неолиберальных элит и выступает консервативный дискурс, дискурс о традиционных ценностях, солидарности и т. д. Под ее ударом оказывается не столько Большая бюрократия, сколько бенефициары мультикультурализма («*группы*»), противостоящие идее традиционной нации.

Борьба с «группификацией» (превращением общества в группы с особой культурой) со стороны Большой бюрократии ведется не столько в направлении формирования больших общностей, отсылающих к марксистским классам, сколько в духе неолиберализма и в форме индивидуализации каждого агента, защите его уникальной идентичности. Борьба с видимыми и фиксируемыми внешним взглядом различиями не препятствует постоянному производству новых различий, возникновению политики, противостоящей и мультикультурализму и традиционализму.

Раздел, посвященный становлению политики различий, их производству, пожалуй, наиболее «марксистский». По мнению Малахова, невозможность в полном объеме воспроизвести практики ассимиляционизма, построить гомогенное общество-нацию, приводит к формированию дискурса различий, разрушающего значительную часть не только больших сообществ, но и сообществ вообще. Подобной атомизации и противостоит дискурс правого популизма (традиционализма). Но, как считает автор, обращаясь к реальным проблемам, носители этого дискурса направляют свой огонь не на то, что воспроизводит неравенство, а на тех, кто олицетворяет в их глазах политику различия. Это не значит, что различия не значимы. Это значит, что критика традиционализма оказывается направлена не на глубинное основание (неравенство), а на его видимые проявления, на симптомы (антирасизм, феминизм и т. д.), а не на болезнь.

На первый взгляд смещение фокуса автора со специфики формирования господствующего дискурса на Западе несколько искусственно. На самом деле, логика здесь есть. Процессы, протекающие в России, неразрывно связаны с общемировыми, последние формируют рамку, позволяющую их осмыслить. Да, и процессы нацистроительства (хотя, как показано в книге, это название в отношении России не вполне корректно), и само социальное пространство России существенно отличаются от того, что описывалось в предшествующих частях работы. Если для Запада угрозой (часто мифической) выступает размывание национального ядра, разрушение нации, то для России с ее изначальным «мультикультурализмом» сам процесс нацистроительства оказывается проблемой, решение которой совершенно не очевидно.

Есть в авторских построениях и еще один, не столь явный, но, как представляется, более значимый момент. Именно в постсоветской России обозначенные выше процессы, в силу известной двойственности, незавершенности дискурсов, протекают наиболее зримо, именно здесь обнаруживается противоречие между дискурсом и тем, что стоит за ним. Как раз на российском материале автору удастся показать, что за «этническими» отношениями всегда обнаруживаются отношения между людьми, причем часто отнюдь не этнически окрашенные. Показывает он и то, как происходит натурализация представлений о «нациях», как некоторых гомогенных игроках, расположенных в закрытых «контейнерах» национальных государств. Пожалуй, самым интересным, по крайней мере, для рецензентов, является часть, связанная с особенностями миграции, точнее, трансмиграции в России.

Безусловно, крайне интересны и остальные разделы. Каждый из них посвящен какой-то вполне конкретной сфере, где за дискурсом, стремящимся обозначить некие большие группы («мусульмане», «гастарбайтеры», «таджики», «киргизы», «мигранты»), скрывается множество самых разных отношений. Причем далеко не всегда это отношения между «мигрантами» и «принимающим сообществом» (автохтонами и аллохтонами) как некими оформленными и противостоящими друг другу группами, но, как показывает автор, гораздо чаще мы имеем дело с отношениями между людьми, сталкивающимися с неравенством, эксклюзивией безотносительно к тому, местные они или приезжие.

Обществознание сегодня должно выстроить новые модели понимания, создать новые инструменты анализа. Это — фундаментальная задача эпохи. Но для того чтобы их создать, необходима не менее фундаментальная деконструкция наличного знания, наличного дискурса. Подобная деконструкция и предпринимается в книге Владимира Малахова. В этом, хотя и не только в этом, ее ценность для читателя.

Penetrate Beyond the Discourse

Book review: Malahov V. (2023) *The politics of differences. Cultural pluralism and identity*. Moscow: NLO — 288 p. ISBN 978-5-4448-2182-4

Leonid E. Bliakher

Dr. Sc. (Philosophy), Professor, School of Social Studies and Humanities, Pacific State University
Address: Tikhookeanskaya str., 136, Khabarovsk, 680053 Russian Federation
E-mail: leonid743342@mail.ru

Konstantin V. Grigorichev

Dr. Sc. (Sociology). Vice-Rector for Research and International Cooperation, Irkutsk State University
Address: Karl Marx str., 1., Irkutsk, 664003 Russian Federation
E-mail: grigoritchev@yandex.ru.